лями, являются звуковая субституция, сокращение кластеров и слоговая элизия, что объясняется присутствием этих явлений в речи даже не абсолютного большинства, а всех детей, легкостью их распознавания в живой детской речи и простотой их отражения в речевой характеристике персонажа.

Во всех случаях звуковой субституции замена происходит преимущественно (в рамках того же способа образования) по месту образования звука – от более заднеязычного к более переднеязычному произношению, от губно-зубного к губному ($f > b$, $v > w$), от зубного к губному ($n > m$), от межзубного к губно-зубному ($\theta > f$, $ð > v$), от средне- и заднеязычного к переднеязычному ($k > t$, $g > d$, $ʃ > s$).

Большое количество проанализированных примеров, выявляющих особенности детского произношения, позволяет нам сделать вывод, что данный уровень детского субъязыка легко стилизуется, объясняется это возможностью использования орфографических приемов. Вместе с тем следует сказать, что орфографический принцип передачи детской речи в художественном произведении дает возможность лишь приблизительного отражения авторами фонетической стороны реальной детской речи, которая насчитывает намного большее количество фонетических особенностей.

Литература

1. *Антипова, О.В.* Об интерпретации фактов детской речи / О.В. Антипова // Онтолингвистика: современное состояние и перспективы развития: Материалы Всероссийской конференции молодых ученых (15 – 17 мая 2000 г.). – СПб., 2000. – С. 14 – 16.

2. *Бельтюков, В.И.* Об усвоении детьми звуков речи / В.И. Бельтюков. – М., 1964.

3. *Гвоздев, А.Н.* Вопросы изучения детской речи / А.Н. Гвоздев. – СПб., 2007.

4. *Гривенная, Е.Н.* Стилизация разговорной речи в художественной прозе: культурно-исторический и лингвостилистический аспекты (на материале произведений А. Ремизова): дис. … канд. филол. наук / Е.Н. Гривенная. – Краснодар, 2005.

5. *Иванов, Н.Н.* Архетип детства в русской литературе XX в. / Н.Н. Иванов // Детская литература и детская книга: актуальные проблемы изучения, преподавания и интерпретации: Материалы межвуз. науч.-метод. конф. – Ярославль, 2002. – С. 8 – 11.

6. *Костючук, Л.Я.* О становлении языковой нормы в речи ребенка / Л.Я. Костючук // Детская речь как предмет лингвистического изучения: Межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1987. – С. 106 – 113.

7. *Лепская, Н.И.* Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации) / Н.И. Лепская. – М., 1997.

8. *Цейтлин, С.Н.* Типы детских речевых ошибок / С.Н. Цейтлин // Русский язык в школе. – М., 1979. – № 4. – С. 62 – 63.

9. *Цейтлин, С.Н.* Язык и ребенок. Лингвистика детской речи / С.Н. Цейтлин. – М., 2000.

10. *Якобсон, Р.О.* Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М., 1985.

11. *Dale, Ph.H.* Language development. Structure and Function / Ph.H. Dale. – N.Y., 1972.

Художественные источники

1. *Alcott, L.M.* Good Wives / L.M. Alcott. – 1995.

2. *Alcott, L.M.* Little Men: Life at Plumfield with Jo's Boys / L.M. Alcott. – 1993.

3. *Atkinson, K.* Behind the Scenes at the Museum, Black Swan / K. Atkinson. – 1996.

4. *Burnett, F.H.* Little Lord Fauntleroy / F.H. Burnett. – London, 1901.

5. *Coolidge, S.* What Katy Did / S. Coolidge. – 1993.

6. *Doyle, R.* Paddy Clark: Ha Ha Ha / R. Doyle. – 1995.

7. *Garnett, E.* The Family from One End Street / E. Garnett. – 1994.

8. *Salinger, J.D.* A perfect Day for Bananafish / J.D. Salinger // Nine Stories, Moscow Progress Publishers, 1982. – P. 27 – 39.

9. *Salinger, J.D.* The Catcher in the Rye / J.D. Salinger. – 1968.

УДК 80

Ю.Ф. Султанова, А.А. Петишев

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор В.А. Петишева

ТРАДИЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Л.М. ЛЕОНОВА

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия художественного метода Ф.М. Достоевского и Л.М. Леонова. Производится анализ критической литературы разных лет по данной теме. Это позволяет по-новому подойти к оценке творческой индивидуальности обоих писателей.

Творческий метод, преемственные связи, лес, детская слезинка, народ, нравственность, «маленький человек», природа, религия, человечество.

The questions of interaction of the artistic methods of F.M Dostoevsky and L.M. Leonov are considered in the article. The authors analyze the literature of different years on the topic. It helps us to evaluate the creative individuality of both writers in a new way.

Creative method, successive links, forest, child`s bear, people, morality, «a small man», nature, religion, mankind.

В русской критической литературе никогда не утихал спор о влиянии творчества Ф. Достоевского на Л. Леонова. Этой теме посвящено большое количество работ. В разное время мнения критиков по этому вопросу были совершенно противоположными. В работах исследователей 1920-х гг. Л. Леонов показан как ученик и последователь традиций Ф. Достоевского, в 1960-е гг. литературоведение «<…> не нашло ничего другого, как снова сделать Леонова заложником своей «родовой болезни», замаскированной в термине «традиции и новаторство», - стремления «привязать» одного гения другому» [5, с. 89]. В работах Н. Грозновой, Л. Ершова, В. Ковалева, В. Крылова, Е. Стариковой показана близость писателей в постановке философских, этических, нравственных, художественных проблем. Вместе с этим есть исследователи, которые доказывали, что прозаик своим творчеством опровергал некоторые идеи классика XIX в. В ряде работ высказывается мнение, что Л. Леонов – оригинальный, самобытный писатель. Критики пытаются найти не точки соприкосновения двух писателей, а выделить моменты, в которых, по их мнению, они были не похожи (Л. Финк, В. Здольников). Сохранилось множество публикаций самого писателя о значении для него Ф. Достоевского. Л. Леонов никогда не занимался прямым подражанием идей великого классика, однако, говорить об отрицании влияния Ф. Достоевского на его творчество также представляется заблуждением. Безусловно, Л. Леонов обращался к темам, затронутым Ф. Достоевским, но для него важно было осветить их с точки зрения современности. Преемственные связи в литературе мастер слова сравнивал с идеей спирали, когда в ходе исторического развития человечество возвращается к прошлым, нерешенным проблемам, пытаясь найти ответы на вечный вопрос о смысле жизни. В 1964 г. Л. Леонов писал: «В моих произведениях нет влияния Достоевского. Впрочем, об этом уже писал и Горький в предисловии к парижскому изданию «Барсуков». Под сводами, где и мы ходим, уже ходили и другие. Вот и все. Меня тоже интересуют философские связи вещей. А также и до предела взвихренные чувства» [Цит. по: 2, с. 39 – 40].

Критики 1920-х гг. (А. Вронский, Ю. Тынянов, А. Лежнев, Ю. Данилин, Н. Смирнов, В. Львов-Рогачевский и др.) «<…> единодушно отмечали экзотичность тематики, достоинства формы его ранних произведений, особенно языка <…>» [5, с. 90], а рассмотрение особенностей замысла, содержания оставалось в стороне. Между тем сам Л. Леонов признавался, что его идеи «<…> заложены в раннем творчестве. Оттуда проистекает все, что потом будет развернуто в большой форме <…>» [18, с. 456]. Однако литературоведов больше привлекали крупные жанровые произведения прозаика. На фоне творчества других писателей этого времени романы Л. Леонова 1930-х гг. («Скутаревский», «Дорога на Океан», «Соть») выделяется отсутствием «<…> массового трудового пафоса индустриализации и, соответственно, плакатных героев» [5, с. 91]. Персонажи Л. Леонова ценны размышлениями, высказываниями, спорами с оппонентами: Скутаревский – Петрыгин («Скутаревский»). Если для Скутаревского сотрудничество с новой властью – это всего лишь способ осуществить мечту: разработать возможность беспроводной передачи электроэнергии на большие расстояния, то для Петрыгина – работа на власть, которая отняла у него материальный достаток в виде мануфактурного предприятия, обыкновенное приспособление и желание тайного вредительства.

В «Дороге на Океан» оппонентом главного героя Курилова выступает сам автор. Это роман о дороге в будущее, к строительству идеального общества, в котором царили бы гармония и равенство. Но путь к всеобщему счастью лежит через революцию, войну, потрясения. По этому поводу Л. Леонов писал в романе: «<…> мы встречали удивительных бойцов и запомнили много героических эпизодов, но тридцать шесть миллионов вооруженных людей, единовременно поражающих друг друга, не могут стать предметом восхищения ни историка, ни поэта…» [11, с. 270]. Известно, что Л. Леонов, как и Ф. Достоевский, осуждал революцию и насильственные преобразования в обществе. Но если Ф. Достоевский только предвидел такие последствия революции, как отсутствие равенства и гармонии между личностью и обществом, то Л. Леонов жил в то время, когда революция уже стала свершившимся фактом, и был свидетелем всех ее последствий в жизни страны и каждого человека.

На высказывание инженера Сюзанны («Соть») о том, что коммунизм является тем средством, которое объединит человечество, бывший белогвардейский офицер Виссарион Буланин, когда-то принявший революцию, но затем осознавший всю трагичность насильственных изменений, возражал: «<…> в революцию выживают либо дубы, либо гибкий осинничек, крапивка да прилипчивая ягодная травка в тени подгнивающих пней. Я хотел сказать, что гибнут лучшие, носители огня, что укрепляется здоровье мещанина. Прошедший сквозь революцию он страшен своей подавляющей единогласностью» [10, с. 185 – 186]. Это, по его мнению, приведет к одиночеству и страданиям, потому что «<…> уже не будет души, огонька, у которого можно погреться <…>. Пусто, и даже голову разбить не обо что!» [10, с. 187].

Своеобразным ключом к пониманию значения Ф. Достоевского в творчестве Л. Леонова является публицистика писателя. Для обоих писателей огромное значение имело бережное отношение к России, преклонение перед готовностью русского человека служить общечеловеческим идеалам. Особыми патриотическими чувствами были проникнуты статьи и выступления Л. Леонова в годы Великой Отечественной войны. В письмах к «Неизвестному американскому другу», написанных в 1942 – 1943 гг., впервые появилось обращение к рожденной Ф. Достоевским теме «слезинки обиженного ребенка» [12, с. 117]. Вместе ней появляются темы страдания, морального долга, искупления, патриотизма. Если Иван Карамазов («Братья Карамазовы») отвергал высшую гармонию, когда она сто́ит «<…> слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка <…>» [3, с. 277], то герой Л. Леонова Родион Тиходумов («Рус-

ский лес») не только не мог принять детскую слезинку, но и отвергнуть высшую гармонию, поэтому отступающий вместе со своей армией солдат заставил себя взять подаренный девятилетней девочкой букет полевых цветов: «Зажмурился, а принял его, уней, покидаемой на милость врага» [6, с. 118].

Если затронутая Ф. Достоевским в «Зимних записках о летних впечатлениях» тема единства народа и его связи с национальными традициями, тревога за чрезмерное благоговение перед всем иностранным прозвучала как вопрос, то Л. Леонов идет дальше и раскрывает возможные последствия отрыва человека от своего народа и родной земли. Это можно проследить в образе Манюкина в третьей редакции «Вора»: «Все мы лишь капли и сильны – покамест в океане, который швыряет волны, гложет скалы, спорит с небом... поэтому и надлежит нам благополучие народа считать единым мерилом деятельности нашей» [9, с. 445] и в судьбе героини повести «Evgenia Ivanovna», для которой жизнь за пределами родины оказалась невозможной.

В «Дневнике писателя» Ф. Достоевский писал: «<…> Россию безлесят, помещики и мужики сводят лес с каким-то остервенением. Положительно можно сказать, что он идет за десятую долю цены, ибо – долго ли протянется предложение? Дети наши не успеют подрасти, как на рынке будет уже в десять раз меньше леса. Что же выйдет, – может быть гибель. А между тем, подите, попробуйте сказать что-нибудь о сокращении прав на истребление леса и что услышите? С одной стороны, государственная и национальная необходимость, а с другой – нарушение прав собственности, две идеи противуположные» [4, с. 253]. Идею, прозвучавшую у Ф. Достоевского как предположение, Л. Леонов широко разработал в своем творчестве. Впервые она была затронута писателем в 1947 г. в статье «В защиту зеленого друга», затем развернута в фундаментальном произведении «Русский лес» (1953). В романе вместе с темой рационального пользования лесными богатствами раскрываются темы любви к родине, тесной связи с ней, единства народа. Особым патриотическим чувством, готовностью на все ради защиты интересов своей страны обладают все положительные герои романа. Это Иван Вихров, который посвятил свою жизнь служению лесу, его жена Елена Ивановна, с легкостью пожертвовавшая материальным благополучием ради ощущения близости с родной землей, молодое поколение, готовое идти на войну и отстаивать интересы отечества.

За разорением лесов автор «Братьев Карамазовых» видит разрушение нравственных основ человечества. В статьях «О природе начистоту» и «О большой щепе» Л. Леонов, развивая эту тему, «<…> связывает само звание человека с его гуманным отношением к природе <…>, с активным желанием уберечь от гибели все созданное, даже слабое и беззащитное» [2, с. 93 – 94].

В 1969 г. вышла статья Л. Леонова «Достоевский и Толстой», где автор, сравнивания творческий метод двух писателей, явно отдает предпочтение Ф. Достоевскому, не умаляя значение творчества Л. Толстого: «<…> они [преимущества творческого метода Ф. Достоевского – Ю.С., А.П.] заключаются в большей емкости последнего, в его обобщенной алгебраичности, так сказать – шекспириальности его философской партитуры, исключающей бытовой сор, частное и местное, с выделением более чистого продукта национальной мысли <…>» [12, с. 529]. Л. Леонов считал Ф.Достоевского мастером в изображении психологии человека, его внутреннего мира. Для него творчество классика XIX в. – это пророческое предвидение всех основных проблем современности. Для Л. Леонова гораздо интереснее было исследовать человека, а не события. В 1927 г. в анкете журнала «На литературном посту» Л. Леонов написал: «Люблю Ф.М. Достоевского со всеми вытекающими отсюда последствиями» [Цит. по: 17, с. 39].

Тема религии как возвращение к духовным корням человечества занимает в творчестве мастеров слова особое место. Ф. Достоевский рассматривал эту тему в таких произведениях, как: «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Идиот». Центральное место находят размышления о вере и церкви в итоговом произведении Л. Леонова «Пирамида»: «А может, мы призваны примером собственного разрушенья показать миру напрасность мечтаний, бессмысленности башни без Бога!» [7, с. 623]. В статье «Спорил ли Леонов с Достоевским»» автор Н.Л. Леонова (дочь писателя) доказывает несостоятельность высказываний критиков 1920 – 1930-х гг. (Н. Грозновой, Т. Батуриной, В. Чеботаревой, А. Ефремина, В. Ковалева), которые рассматривали творчество Л. Леонова как отрицание религии и Бога и, как следствие, отрицание наследия Ф. Достоевского. Н. Грознова утверждает, что «чем ближе Леонов подходил к Достоевскому, тем увереннее он отвергал его христианский идеал как образец поведения человека» [Цит. по: 14, с. 196]. Т. Батурина пишет: «Борьба здоровых материалистических начал с отсталостью и психики и интеллекта… составила содержание рассказов «Гибель Егорушки», «Петушихинский пролом» <…> Словом, душе Егорушки «роятся новые силы: протест против религиозного изуверства, насаждаемого монахом Агапием, жажда хорошей жизни…» [Цит. по: 14, с. 199]. В. Чеботарева «<…> также убеждена, что рассказ направлен против христианского антигуманизма, «утверждающего смерть и тлен, проповедующего неприятие дыхания моря, звонко несущегося смеха и песни, в конечном итоге – всей земной жизни» [Цит. по: 14, с. 199]. А. Ефремин считает, что этот рассказ «<…> написан темной краской. В борьбе с суровой и непреклонной судьбой человек ощущает себя бесконечно одиноким: о новом социальном строе он даже и не вспоминает, его баюкают надежды на загробный мир, где «ангелочки порхают»…» [Цит. по: 14, с. 199]. В рассказе «Гибель Егорушки» считал В. Ковалев «Леонов отвергает мрачный антигуманистический мистицизм христианства» [Цит. по: 14, с. 199]. В качестве опровержения мнений критиков Н. Леонова приводит высказывания самого писателя: «Чувство Бога и есть показатель нравственного здоровья народного, ибо зиждется на ежеминутном ощущении личного, в его

жизни добра и зла <…>, меньше храмов – больше тюрем» [Цит. по: 14, с. 196].

Литературоведы 1920-х гг., а также некоторые исследователи 1960 – 1970-х гг. связывают «все «просчеты» в драматургии Леонова <…> с воздействием Достоевского» [16, с. 221]. Сближение писателей сводится, как правило, «<…> к поэтизации страдания и соотносится почти исключительно с именем Ф. Достоевского» [16, с. 222] (М. Лобанов, Б. Симонова). Некоторые критики рассматривают «маленького человека» Л. Леонова в традициях Ф. Достоевского (Л. Ершов, Е. Старикова, Б. Симонова, Л. Шарлаимова). Единодушие исследователей драматургии Л. Леонова касается только в определении театра писателя как «театра мысли» и «<…> интереса к интеллектуально-нравственным конфликтам и символике, позволяющей понять второй, глубинный смысл развертывающегося перед читателем и зрителем действия» [16, с. 221]. Так за внешним противостоянием героев прозаик реализует внутренний, скрытый замысел, размышления о вечных вопросах бытия, об истине, вере, мироздании.

В «Метели», «Нашествии», «Золотой карете» герои Л. Леонова находятся перед нравственным выбором. Особое место в пьесах занимает прием возвращения героя после временного отсутствия. Это позволяет им переосмыслить жизнь с высоты сегодняшнего дня, подвести своеобразные итоги (Пыляев в «Половчанских садах», Порфирий Сыроваров в «Метели», Федор Таланов в «Нашествии», Березкин в «Золотой карете»). В драме «Золотая карета» в тесном единстве находятся тема развития исторического пути России и духовного самоопределения человека. Как правило, в драматургии Леонова, как и в прозе, несколько сюжетных линий, которые переплетаются, соединяются и развиваются, для них характерна недосказанность во многих сценах, создавая «<…> большую психологическую напряженность драматического действия» [Цит. по: 16, с. 227]. Для Л. Леонова-драматурга также важно было раскрыть внутреннее значение исследуемых образов и явлений.

Таким образом, подводя итоги в сравнении творчества двух великих писателей, необходимо сказать о том, что Л. Леонов никогда не занимался прямым подражанием тем и идей наследия Ф. Достоевского. Он всегда творчески подходил к осмыслению проблем, затронутых великим классиком XIX в., и рассматривал их в новых исторических условиях с высоты современности. Оценивая наследие Ф. Достоевского, можно сказать, что он «<…> умело исследовал светлые и темные стороны человеческой души, заглядывал в ее непознанные глубины, пером мастера настойчиво утверждал в жизни добро и справедливость» [15, с. 108]. Для Л. Леонова также было важно осветить психологию человека в определенных жизненных обстоятельствах. Он не отрицал, что наиболее близким для него является творческий метод Ф. Достоевского и неоднократно высказывался по этому вопросу: «Нельзя <…> искать параллелей в литературе по принципу: «Это – оттуда…, а это – вот оттуда». Здесь камертон играет главную роль. От камертона начинает звучать мелодия. В литературе происходит такое же явление» [Цит. по: 2, с. 41]. Л. Леонов высоко ценил значение творчества Ф. Достоевского для него и всей русской литературы, но всегда остерегался односторонней интерпретации, «<…> стремился вывести разговор о преемственных связях за рамки поисков следов лишь убогой зависимости писателя от того или иного предшественника» [2, с. 40].

Литература

1. *Вахитова, Т.М.* Картина мира в прозе Леонида Леонова / Т.М. Вахитова // Вестник ВолГУ. – Волгоград. – 2006. – Сер. 8. – Вып. 5. – С. 32 – 40.
2. *Грознова, Н.А.* Творчество Леонида Леонова и традиции русской классической литературы / Н.А. Грознова. – Л., 1982.
3. *Достоевский, Ф.М.* Братья Карамазовы: роман: в 4 ч. с эпилогом. Ч. I, II / Ф.М. Достоевский. – М., 1981.
4. *Достоевский, Ф.М.* Дневник писателя: Избранные страницы / Ф.М. Достоевский. – М., 1989.
5. *Здольников, В.В.* Ф.М. Достоевский и Л.М. Леонов в контексте литературной традиции / В.В. Здольников // Культура и письменность славянского мира: Сборник материалов Международной научной конференции (24 мая 2008 года). – Смоленск. – 2008. – Т. X. – С. 89 – 102.
6. *Леонов, Л.М.* Русский лес: Роман / Л.М. Леонов. – М., 1988.
7. *Леонов, Л.М.* Избранное / Л.М. Леонов. – М., 1999.
8. *Леонов, Л. М.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. Повести и рассказы / Л.М. Леонов. – М., 1981.
9. *Леонов, Л.М.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. Вор / Л.М. Леонов. – М., 1982.
10. *Леонов, Л.М.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. Соть. Скутаревский / Л.М. Леонов. – М., 1982.
11. *Леонов, Л.М.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Дорога на Океан / Л.М. Леонов. – М., 1983.
12. *Леонов, Л.М.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа / Л.М. Леонов. – М., 1984.
13. Леонид Леонов. Творческая индивидуальность и литературный процесс / под ред. В.А. Ковалева и Н.А. Грозновой. – Л., 1987.
14. *Леонова, Н.Л.* Спорил ли Леонов с Достоевским? / Н.Л. Леонова // Москва. –2004. – Август. – № 8. – С. 191 – 201.
15. *Петишева, В.А.* Романы Л.М. Леонова 1920 – 1990-х годов: эволюция, поэтика, структура жанра / В.А. Петишева. – М., 2006.
16. *Тюхова, Е.В.* Традиции Достоевского в драматургии Л. Леонова / Е.В. Тюхова // Леонид Леонов. Творческая индивидуальность и литературный процесс / отв. ред. В.А. Ковалев, Н.А. Грознова. – Л., 1987. – С. 219 – 238.
17. *Федоров, В.С.* «Пирамида» Л. Леонова и Достоевский / В.С. Федоров // Наследие Л.М. Леонова и судьбы русской литературы: Материалы VII Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 9-12 сент. 2010 г. – Ульяновск, 2010. – С. 39 – 45.
18. *Хрулев, В.И.* Художественное мышление Леонида Леонова / В.И. Хрулев. – Уфа, 2005.